

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Барнаульский юридический институт МВД России

Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований

Материалы второй Всероссийской научной конференции, посвящённой
памяти известного учёного, педагога, просветителя и общественного деятеля,
доктора исторических наук, профессора
Александра Владимировича Старцева (1956–2019)
(Барнаул, 5-6 мая 2022 г.)

Под редакцией Д.Л. Проказина

Барнаул, 2022

© ФГКОУ ВО «Барнаульский юридический
институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации», 2022

Об издании – [1](#), [2](#)

УДК 34:94(5)
ББК 67.401.133.12–1я45
С 399

Редакционная коллегия:

Тяпкин М.О., доктор исторических наук, доцент
Лен К.В., кандидат исторических наук, доцент
Сизова А.А., кандидат исторических наук
Тяпкина О.А., кандидат исторических наук

С 399 **Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований** : материалы второй Всероссийской научной конференции, посвящённой памяти известного учёного, педагога, просветителя и общественного деятеля, доктора исторических наук, профессора Александра Владимировича Старцева (1956–2019) / под ред. Д.Л. Проказина. – Электрон. текст. дан. (2,4 Мб). – Барнаул : ФГКОУ ВО «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2022. – 1 электрон. опт. диск (DVD). – Систем. требования: PC, Intel 1 ГГц; 512 Мб опер. памяти; 30 Мб свобод. диск. пространства; DVD-привод; ОС Windows 7 и выше, ПО для чтения pdf-файлов. – Загл. с экрана.

В сборник включены материалы участников второй Всероссийской научной конференции, посвящённой памяти известного учёного, педагога, просветителя и общественного деятеля, доктора исторических наук, профессора Александра Владимировича Старцева (1956–2019), проходившей в г. Барнауле 5-6 мая 2022 г.

УДК 34:94(5)
ББК 67.401.133.12–1я45

ISBN 978-5-94552-501-6

© ФГКОУ ВО «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2022

Редактор
Корректурa,
компьютерная верстка
Дизайн обложки

Е.Г. Авдюшкин
С.В. Калининой
О.А. Розум

Дата подписания к использованию:
18.08.2022

Объем издания: 2,4 Мб
Комплектация издания: 1 электрон. опт. диск (DVD)

Тираж 10 дисков

ФГКБОУ ВО «Барнаульский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Вступительное слово</u>	7
<u>Приветственное слово участникам конференции: Чернышов Ю.Г.</u> Александр Владимирович Старцев: коллега, заведующий кафедрой, ученый	9
Пленарное заседание	
<u>Шерстова Л.И.</u> Евразийская основа русско-аборигенных отношений в Сибири в XVII в.	12
<u>Гончаров Ю.М., Климова О.Г.</u> Барнаульская школа изучения истории предпринимательства в Сибири.....	17
Секционные доклады	
<u>Бойкова Е.В.</u> Монголия в исследованиях офицеров Генерального штаба (вторая половина XIX в.)	22
<u>Цыбенков Б.Д., Курас Л.В.</u> Даурская революционная молодежь в СССР и МНР	27
<u>Владимирски И., Кротова М.В.</u> Неосуществленный монгольский проект Якова Фризера	31
<u>Кузьмин Ю.В.</u> Монголо-русский словарь иркутского переводчика А.В. Игумнова.....	36
<u>Гурулева Т.Л.</u> Концепция высшего языкового востоковедческого образования (на материале китаеведческого образования)	40
<u>Наземцева Е.Н.</u> Русские торговые фактории в Синьцзяне: особенности и проблемы политико-правового статуса во второй половине XIX – начале XX в.	45
<u>Бояренко К.А., Горбова К.Т.</u> «Великий чайный путь»: экономика и культура.....	50
<u>Черникова Л.П.</u> Судьбы репатриантов из Китая в сибирских городах после Второй мировой войны (часть 2)	53
<u>Ли Линь</u> Этнокультурная специфика Северо-Восточного Китая: основные этапы формирования.....	64
<u>Чуркин М.К.</u> Репрезентации власти и общества Кокандского ханства в травелогах русских путешественников первой половины XIX в.	68
<u>Моисеев С.В.</u> Вооруженные силы Афганистана в конце XIX – начале XX в. по извлечениям из сочинения «Афганский вопрос» (военно-географический и политический этюды) Лейб-гвардии Егерского полка штабс-капитана П.А. Риттиха.....	74
<u>Проскурин В.Н.</u> Загадочные сюжеты биографии светописца Ордэна	79
<u>Ярков А.П.</u> О системе отношений власти и уммы Урала и Сибири	84
<u>Балин М.А.</u> (Епископ Магнитогорский и Верхнеуральский Зосима) Обычное право коренного населения Степного края в имперской политике аккультурации конца XIX – начала XX в.	89

<u>Недзелюк Т.Г.</u> Материалы для изучения вероисповедной политики Российской империи в архивохранилищах Сибири	95
<u>Денякин Ю.А.</u> Особенности духовного окормления экспедиционных частей в российской армии на примере Шарасумэского отряда, находившегося в Алтайском округе Западного Китая с 1913 по 1917 г.	99
<u>Траудт Е.А.</u> Основные направления изучения алтайского шаманизма в советской историографии	109
<u>Дроботушенко Е.В.</u> Материалы к истории обновленческого раскола на территории Иркутской области в середине 1920-х гг.	114
<u>Зиберт Н.П.</u> Материальное положение общин Русской православной церкви г. Красноярска в конце 1950-х – начале 1960-х гг.	118
<u>Дашковский П.К., Дворянчикова Н.С.</u> Социальная деятельность Русской православной церкви в Новосибирской области (Сибирь) в 1990-е гг.: к постановке проблемы.....	123
<u>Виницкая Н.В., Литягина А.В.</u> О воспитании толерантности у учащихся и студентов в ходе изучения гуманитарных дисциплин	126
<u>Аюшиева И.Г., Жанцанова М.Г.</u> Сибиреведение в Японии: основные направления исследований.....	131
<u>Путинин М.С.</u> Методологический аспект изучения сюжета о царе-старце.....	135
<u>Демчик Е.В., Дубик И.М.</u> Формы, методы и результаты вытеснения частного капитала в конце 1920-х годов (на материалах Алтая)	140
<u>Санкин Е.В., Зиновьев В.П.</u> Рыбообрабатывающая промышленность Западной Сибири в XIX – начале XX в.....	144
<u>Меженина О.В.</u> Роль мещанства в организации мыловаренного производства в Российской империи в дореформенный период (на примере Томской губернии)	155
<u>Цинцадзе Н.С.</u> Государственная оценка ресурсного потенциала Сибири в условиях модернизации позднеимперской России.....	160
<u>Тяпкин М.О.</u> «Желая быть несколько полезным для всеобщей народной пользы...»: предложения тобольского мещанина П.Ф. Ревнивых о борьбе с лесными пожарами	164
<u>Румянцев П.П.</u> Проект генерал-губернатора Западной Сибири А.П. Хрущова по реформированию территориальных жандармских управлений.....	170
<u>Демчик Е.В., Липский С.А.</u> 1917 год в Леньковской волости в воспоминаниях современников.....	174
<u>Суверов Е.В.</u> Поддержание порядка сотрудниками НКВД в г. Томске (1944-1945 гг.) с помощью патрулирования	179
<u>Румянцева Е.Н.</u> Деятельность томского нотариата в период перестройки.....	182

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Шерстова Людмила Ивановна, доктор исторических наук, профессор
Томский государственный университет (г. Томск)
Sherstova58@mail.ru

ЕВРАЗИЙСКАЯ ОСНОВА РУССКО-АБОРИГЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИБИРИ В XVII В.

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюрко-монгольский мир “Большого Алтая” : единство и многообразие в истории и современности» (проект-номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002).

Аннотация: В статье рассматривается политическая, экономическая, ментальная основа русско-аборигенных отношений в Южной Сибири. Делается вывод о том, что общее евразийское наследие тюркских народов и русского способствовало взаимопониманию интересов обеими сторонами, налаживанию коммуникаций, благоприятствовало культурному обмену. Результатом этих процессов стало не только быстрое продвижение русских по Сибири и основание ими городов и острогов, но и принятие аборигенами политического подданства и определение их места в сословно-податной структуре Московского царства.

Ключевые слова: евразийская концепция, Сибирь, Центральная Азия, Московское царство, Китай.

Проблема присоединения Сибири и установления русско-аборигенных контактов, несмотря на обилие литературы, остается все такой же актуальной, как и в XVIII в., когда появились первые обобщающие труды по сибирской истории. По-прежнему открытым остается вопрос, поставленный еще Г.В. Вернадским, о причинах стремительности завершения этого процесса [1, с. 129-130]. Уже в 1640-е гг. русские вышли на Тихоокеанское побережье, основав десятки городов, зимовий, острогов и объяснив большинство сибирских народов.

Рассмотрение этой проблемы напрямую связано с определением характера московской государственности конца XVI–XVII вв., с выяснением ее идеологических, социально-политических и ментальных истоков. Выявление механизмов взаимодействия русской власти и русских пришельцев с аборигенным населением Сибири позволяет определить не только сущностные стороны московской власти, но и особенности средневековой русской политической культуры.

Следует заметить, что вопрос об уровне и специфике социально-политических институтов тюркских народов Сибири обычно решается в пара-

дигме эволюционного или формационного подходов, заранее помещенных на стадии догосударственного развития и обреченных на роль статистов московской политики в Сибири. Между тем в социальных коммуникациях, в т.ч. и межэтнических, передача информации идет не только от донора к реципиенту, но и наоборот, и результативность диалога зависит от того, насколько передаваемая и воспринимаемая информация трактуется одинаково. Важным условием для этого является наличие общих представлений и элементов в социальных, политических, экономических отношениях, присущих каждой из взаимодействующих сторон.

В связи с этим актуализируется проблема такого феномена, как евразийство, понимаемого как результат синтеза разновременных культурных контактов элементов народов Северной Евразии. При этом следует отметить, что евразийство – это не только влияние Востока на Запад, но и воздействие Запада на Восток, следствием чего были трансформации первоначальных культурных, социально-политических моделей и формирование такой ментальной основы, которая позволяла народам Евразии налаживать продуктивный диалог. Формирование евразийского этнокультурного комплекса на границах степи и леса начинается задолго до походов Чингисхана и Батыя и связано с восточными миграциями ранних индоевропейцев (ямники-афанасьевцы, прототохары), ранних индоиранцев (срубники-андроновцы, «арии»), с взаимодействием народов Степи с первыми китайскими государствами Шан-Инь и Чжоу. Позднее движение гуннов и других центральноазиатских народов, в т.ч. и монголов на Запад, усилило процессы культурного синтеза и актуализировало евразийское наследие, особенно в ходе завоеваний Батыем Северо-Восточной Руси и принятия русскими князьями политической зависимости от Золотой Орды. Более двухсот лет вся жизнь русских земель во многом определялась ее политикой.

Однако относительно ордынского влияния на политическое и социально-экономическое развитие Московского княжества, а затем и царства в отечественной историографии бытуют диаметрально противоположные мнения: от признания того, что «Москва обязана своим величием ханам» (Н.М. Карамзин, евразийцы) до отрицания важности монгольского влияния на внутреннее развитие Руси (С.М. Соловьев, Б.Д. Греков). Вопрос же о наличии общих элементов в административно-фискальной организации и в социально-политических отношениях социумов Сибири и Московского царства в отечественной историографии не ставился.

Между тем оказавшимся в Сибири русским не нужно было внедрять систему «господства-подчинения», создавать систему даннических отношений. У большинства ее народов она исправно функционировала, подкрепленная уже существовавшими административно-фискальными образованиями, которые в русских документах получили названия «землиц», «родов», «волостей», «улусов», в основе организации которых лежал не территориальный принцип,

а само наличие зависимого населения. Ранняя аборигенная ясачная волость, по своей сути, не отличалась от центральноазиатского улуса.

Понимание Москвой сущности социального устройства сибирских народов привело к формированию таких административно-фискальных образований аборигенных социумов, в основе которых лежали два основных принципа. Первый – это несвязность населения и территории, когда в качестве административно-фискального образования ясачные приписывались к сибирскому городу или острогу и при этом они могли менять территорию своего обитания, что было вызвано как основными их занятиями и необходимостью выплаты пушного ясака (охота, рыболовство, скотоводство), которые обуславливали большую их подвижность, так и стремлением укрыться от произвола власти. К тому же первоначально Москва не обладала значительным военным контингентом в Сибири, чтобы контролировать местные народы. Вторым принципом – это принцип невмешательства во внутреннюю социальную структуру сибирских народов, а также сохранение власти местной элитой при условии ее полного подчинения. Российская власть настолько глубоко восприняла этот принцип, что он окончательно закрепился в имперском законодательстве в виде «Устава об управлении инородцев», принятого в 1822 г.

Можно констатировать, что положение аборигенного населения Сибири уже в составе Московского царства во многом соответствовало институту унаган-богол в империи Чингисхана, анализ которого дал еще Б.Я. Владимирцов [2, с. 81], и который был распространен монголами на Русь. Непрерывность этой центральноазиатской традиции организации населения позволила, например, тюркскому населению Горного Алтая воспроизводить и сохранять джунгарскую модель государственного устройства, уже находившемуся в составе Российской империи, вплоть до начала XX в. [3, с. 241-243].

Перед служилыми людьми стояла задача не создания даннической системы, т.к. она уже существовала в дорусский период, а ее переориентация на Москву. И это удалось сделать достаточно просто – через ритуал. Символом богатства державы, согласно евразийской традиции, выступало количество подарков, которыми сюзерены наделяли новоподданных, что символизировало богатство и щедрость власти, подчиниться которой не считалось унижением. Это был особый ритуал, призванный сакрализовать принятие политического подданства. С самого начала русского присутствия в Сибири доставка ясака в русский город (острог) или приезд аборигенной элиты в Москву обязательно сопровождалась раздачей даров: кафтанов, шуб, тканей, посуды и т.д. – всего, кроме оружия, и устройством для них пышного приема, заканчивавшегося приглашением на многолюдный и щедрый пир.

Следует отметить, что публичное принесение даров (дани) и получение подарков, иногда по ценности и объему превышающих дань, у всех центральноазиатских народов имело форму и смысл сложного ритуала [4, с. 165]. Истоки этого явления следует искать в сложных взаимоотношениях Древнего Ки-

тая с многочисленными варварами, предками тюркских и монгольских народов [5, с. 497-498]. Усвоенная тюркскими и монгольскими народами Центральной Азии система подчинения, подкрепленная строгим ритуалом и подарками, позже, через ордынцев, была перенесена в «посольский обычай» Московского царства и определила содержание и форму взаимоотношений русских со своими ясачными Сибири, тем более что последние воспринимали «законность» своего подданства в форме архаичного дарообмена.

Народы Сибири, принеся шерть – клятву на верность Москве традиционным образом, т.е. согласно своим обычаям, пройдя ритуал принесения дани и отдаривания и приняв участие в богатом пире, занимали свое место в социальной структуре Московского государства, образуя сословие «ясачных». Москва обозначила в Сибири три основных принципа своей аборигенной политики: шерть, ясак и аманатство. Но, во-первых, эти формы государственной зависимости были известны в раннесредневековой Центральной Азии, они же функционировали в дорусской Сибири. Во-вторых, в самой российской государственности они появились не без влияния Золотой Орды: переписи населения, сбор дани руками баскаков, а чаще – местными князьями, сохранение монголами статуса правящих князей при условии принесения ими присяги на верность и получение взамен ярлыка – права на княжение; фактическое сохранение монголами административно-политического устройства Руси и невмешательство в ее религиозные дела, участие русских дружин в военных походах монголов; долговременные и обязательные пребывания князей или их родственников в Сарае, в Каракоруме, а то и просто «в затворе у баскака», т.е. то же аманатство. Страх постоянных, порой беспричинных, набегов ордынцев и т.д. – все это общеизвестные явления российской истории XIII–XIV вв. В Сибири эти же формы взаимоотношений правителей и подданных как бы «ожили», но их проводниками явились уже русские власти. Поэтому важно подчеркнуть, что ничего принципиально нового русские власти в отношении с сибирскими народами не внесли: те и другие были наследниками общего евразийского этнокультурного комплекса.

Устойчивости общей евразийской традиции русских и народов Сибири способствовали и аналогичные ментальные представления о власти и о земле. Власть, прежде всего, воспринималась как *нравственная категория*, что было связано с архаичным концептом Неба, который имелся в картине мира ранних индоевропейцев, древних китайцев, средневековых тюрков и монголов. Небо одинаково справедливо относится ко всем, правитель лишь, как самый достойный, осуществляет волю Неба. В отличие от западной общественно-политической мысли, в которой уже в античном Риме власть основывалась на законе, евразийская традиция сохраняла неразрывную связь власти с моралью. Этим объясняются попытки в русской истории «найти настоящего царя», признания вождей, победивших Китай «варваров», китайскими императорами, выборы Темучина монгольским ханом. В Сибири это проявилось в переходе

значительной части местной элиты в подданство Москвы. Стоило Ермаку победить Кучума, как ближайшим окружением последнего это было воспринято как «воля Неба». Небо помогает достойным. Служить недостойному – идти против «воли Неба», но, став достойным, нужно, как Небо, оставаться беспристрастным и справедливым по отношению ко всем. Поэтому власть, согласно евразийской традиции, должна быть не столько законной, сколько справедливой, что сохранилось и в современной российской картине мира.

Не менее важным был и концепт Земли, также имеющей евразийский генезис. Земля у всех народов Евразии осмысливалась как «живая», значит, с ней можно было вступать в коммуникационные отношения. Но она была «Мать – сыра земля», что тождественно тюркскому *Jer-суу*, т.е. «живая», «плодородная», «способная дать жизнь». Она осмысливалась как начало всего живого, в т.ч. и человека. Отсюда устойчивая установка, что *землю нельзя продавать*. В традиционном обществе часть ее на какое-то время можно было получить в результате дарообмена с духами Земли. Право на землю определялось освоенным пространством, вложенным в нее трудом. Неводеланная земля, ее недра принадлежат всем, никто не имеет на нее особых прав, а вернее, все могут ими пользоваться. Думается, с этим связана и неудавшаяся реформа П.А. Столыпина, и «насаждение» частной собственности на землю в 1990-е гг., которое основная часть населения России считала «несправедливым», а вернее, не соответствующим глубинным представлениям о неприкосновенности Земли как части сакрального пространства.

Представляется, что именно общая евразийская основа социально-политических и культурных традиций народов Московского царства и большинства сибирских этносов, формирование которой уходит в раннюю и средневековую историю Северной Евразии, общее евразийское наследие ее народов, во многом способствовала успешности освоения русскими Сибири.

Список источников и литературы

1. Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997. 544 с.
2. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. М. – Л., 1934. 233 с.
3. Шерстова Л.И. Горный Алтай в XVI–XX вв.: джунгарское этнокультурное наследие // История и культура народов Степной Евразии: мат-лы II междунар. конгресса средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул, 2012. С. 240-248.
4. Жуковская Н.Л. «Подарок – отдарок» и его место в системе социальных ценностей монголов // *Mongolica*. М., 1986. С. 160-168.
5. Корсун В.А. Поиски и находки в решении проблем этнического сепаратизма Китая // Этноссы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. М., 2005. С. 494-529.